

БЕЛОРУССКАЯ ЛЕКСИКА В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К РАЗЛИЧНЫМ ТИПАМ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Сам термин «заимствование» неоднозначен: им обозначается как процесс освоения иноязычного слова языком-реципиентом, перемещение элементов из одного языка в другой, так и результат заимствования — сами элементы (слова, морфемы, конструкции), вошедшие в данный язык и освоенные им¹. Учитывая двойственность в значении термина, следует оговорить, что в нашем случае мы имеем дело лишь с процессом заимствования, вхождение же рассматриваемой белорусской лексики в состав русского языка — проблема диахроническая и непредсказуемая.

В лингвистической традиции иноязычная лексика обычно относится к одному из типов заимствований, имеющих различное наименование: экзотизмы, регионализмы, иноязычные вкрапления, реалии, безэквивалентная лексика.

Л. П. Крысин, рассматривая иноязычные слова в современном русском языке, выделяет три их типа: 1) заимствованные слова; 2) экзотическая лексика; 3) иноязычные вкрапления. К заимствованным словам он относит иноязычные лексические единицы, освоенные заимствующим языком и принадлежащие к его системе². Как отмечалось выше, такая лексика не является объектом нашего исследования.

По степени освоенности заимствующим языком экзотическая лексика и иноязычные вкрапления у Л. П. Крысина не отличаются друг от друга: «Экзотическая лексика и иноязычные вкрапления, в отличие от заимствованных слов, не теряют ничего или почти ничего (ср. графическим облик) из черт, присущих им как единицам языка, которому они обязаны своим происхождением. Они не принадлежат, подобно заимствованиям, системе использующего их языка, не функционируют в нем в качестве более или менее прочно связанных с лексическим и грамматическим строем этого языка единиц»³. Различия между этими двумя типами иноязычной лексики он проводит по тематико-функциональному признаку, отмечая, что употребление экзотизмов обусловлено тематикой, необходимостью описания специфических условий жизни и быта того или иного народа, той или иной страны, а употребление иноязычных вкраплений — степенью знакомства говорящего иностранным языком, некоторыми стилистическими или жанровыми особенностями речи⁴.

¹Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 150 – 151.

²Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968. С. 43 – 47.

³Там же, с. 49.

⁴Там же, с. 47.

А. Е. Супрун к экзотической лексике относит «слова и словосочетания, заимствованные и калькированные из соответствующих языков», считая при этом, что степень освоенности экзотизмов может быть различной: например, к экзотизмам он относит слово *мечеть*, семантически, фонетически и грамматически освоенное русским языком, и слово *сули* (корейский алкогольный напиток), которое не освоено ни семантически, ни фонетически, ни грамматически⁵.

Как кажется, в первом случае недостаточно четко проводятся различия по степени освоенности между экзотизмами и иноязычными вкраплениями. На наш взгляд, к иноязычным вкраплениям следует относить слова и выражения из какого-либо языка, которые сохраняют форму и черты, свойственные им как единицам другого языка. Главный признак иноязычных вкраплений в этом случае – их совершенная неосвоенность системой заимствующего языка, их полная (фонетическая, графическая, грамматическая, семантическая) принадлежность системе «своего» языка. Что касается освоенности экзотизмов, то вторая позиция представляется обоснованной, хотя и требует уточнения. Не останавливаясь подробно на признаках, разработанных в лингвистической литературе, которые позволяют относить иноязычное слово к заимствованиям, отметим, что степень освоенности экзотизмов исключает два крайних полюса: совершенная неосвоенность (иноязычные вкрапления) и полная освоенность, или усвоение системой языка-реципиента (заимствованные слова).

Необходимо отметить, что проблема освоения белорусской лексики русским языком имеет свои особенности в силу близости систем обоих языков. Зачастую это только проблема семантического (знание носителями русского языка значения того или иного белорусского слова) и лексического освоения (его вхождение в состав русского лексикона), так как оно может не нуждаться в графических, фонетических, грамматических изменениях, направленных на приведение белорусского слова в соответствие с нормами русского языка. Например, белорусские лексемы *бусел*, *вёска*, *мова*, *юнак* по своему графическому облику, фонемному составу, грамматическим характеристикам не нуждаются в изменениях, направленных на их освоение русским языком. Для подобного типа слов проблема заключается только в семантическом и лексическом освоении.

Особо следует подчеркнуть следующий момент. При рассмотрении взаимодействия белорусского и русского языков на уровне речи отмечалось, что влияние белорусского языка на русский проявляется также в семантическом и стилистическом аспектах. Для удобства описания применялись термины «семантические» (лексико-семантические) и «стилистические» (лексико-стилистические) белорусизмы, хотя в материальном плане сами лексемы русские и речь идет лишь об определенных тенденциях в их развитии, обу-

⁵ Супрун А.Е. «Экзотическая» лексика // НДВШ Филологические науки, 1958. С. 52.

словленных влиянием белорусского языка. В этом аспекте проблема освоения иноязычного (белорусского) элемента существует лишь как могущее иметь место расширение семантического объема и функций русских лексем в данном направлении, то есть как проблема дальнейшего внутриязыкового развития. Поэтому здесь не представляется возможным говорить об иноязычной лексике и ее освоении.

По-разному освещается в лингвистической литературе вопрос об отнесенности того или иного заимствования к экзотической лексике в зависимости от характера языка, из которого это слово заимствуется. Ряд авторов (Л. П. Крысин, А. Е. Супрун и др.) не ограничивают экзотизмы словами, пришедшими только из определенных языков — малоизвестных, неиндоевропейских и др.

«Словарь лингвистических терминов» О. С. Ахмановой определяет экзотическую лексику как «слова и выражения, заимствованные из малоизвестных языков, обычно неиндоевропейских, и употребляемые для придания речи особого колорита»⁶. Как следует из определения, О. С. Ахманова подчеркивает значимость характера языка, из которого заимствовано слово, для его квалификации как экзотизма.

Как кажется, подобные различия в позициях определяются тем, что в первом случае термин «экзотический» употребляется в значении 'необычный для данной местности, не свойственный ей', во втором — используется переносное значение термина «экзотический» 'причудливый, диковинный, поражающий своей странностью'.

Особо следует остановиться на возможности квалифицировать заимствования из языков народов СССР как экзотическую лексику.

По мнению И. Е. Гальченко, не являются ни экзотизмами, ни варваризмами заимствования из языков народов СССР с территориально ограниченной сферой активного употребления в русском языке⁷. Здесь к языковым ограничениям он добавляет территориальные, дополняя их хронологическими, когда отмечает, что «в языке произведений русских писателей и поэтов XIX в. еще можно было считать кавказские слова экзотизмами, а в настоящее время этот термин для них устарел»⁸.

А. Е. Баханьков отмечает, что в классификации иноязычной лексики, заимствованной из языков народов СССР, наблюдается, по сути, только двучленное противопоставление: заимствованное слово — иноязычное слово, поскольку в процессе взаимодействия культур и языков братских советских народов одни из экзотизмов постепенно переходят в разряд заимствований, другие приближаются к заимствованным словам⁹.

⁶ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов, с. 214.

⁷ Гальченко И.Е. О статусе слов северокавказского происхождения в русском языке // ВЯ. 1979. № 4. С. 117.

⁸ Там же.

⁹ Баханькоў А.Я. Развіццё лексікі беларускай літаратурнай мовы ў савецкі перыяд. Мн., 1982. С. 130.

Следует отметить, что А. Е. Супрун и Л. П. Крысин в своих работах подчеркивают отсутствие незыблемых, раз и навсегда установленных границ между экзотизмами и заимствованными словами – граница между ними исторически изменчива, экзотизмы могут утратить свой исторический характер и перейти в разряд заимствований¹⁰. Однако принципиальное отличие позиции И. Е. Гальченко в данном случае заключается в том, что на современном историческом этапе развития языков нашего государства он предлагает не считать экзотизмами заимствования из языков народов СССР в русский язык, происходящие на территории национальных республик.

Основой для такой позиции служит широкое распространение русского языка как средства межнационального общения и наличие национально-русского двуязычия в различных регионах страны. Для жителей национальных республик (в том числе и русских), пользующихся русским языком, заимствования из национальных языков не являются чуждыми или странными по характеру языка (в большей или меньшей степени все жители республики знакомы с национальным языком и «экзотика» языка ими не ощущается). Не являются чуждыми, странными или не свойственными данной местности и предметы и явления, обозначенные заимствованиями из национальных языков, напротив, именно для данной местности они и характерны. Подобного типа заимствования из языков народов СССР с территориально ограниченной сферой активного употребления в русском языке И. Е. Гальченко предлагает именовать регионализмами русского языка¹¹.

Не ставя целью свести многообразие точек зрения на сложную проблему экзотической лексики к одной, отметим, что кажется категоричной точка зрения, согласно которой нельзя квалифицировать современные заимствования из языков народов СССР в русский язык как экзотизмы. Во-первых, даже по своему характеру среди языков народов СССР есть неиндоевропейские и малоизвестные большинству носителей русского языка языки, во-вторых, понятие «территориально ограниченная сфера активного употребления в русском языке» (пределы республики или региона) не применимо к художественной литературе. Русскоязычная литература (оригинальная и переводная) национальных республик выходит далеко за пределы «своей территории». Вне этих пределов многие явления и предметы, обозначенные национальной лексикой, выступают как не свойственные и чуждые определенной местности, то есть как экзотические. Например, как экзотизмы можно рассматривать белорусские лексемы *барило*, *менташка*, *дрыгант*, *коберец*, *кломля*, *цагельня*, *вёска*, *мачанка* и др.

Вместе с тем широкое распространение русского языка как средства межнационального общения, взаимодействие литератур и культур народов СССР, взаимопереводы, миграция населения, многочисленные и разнообраз-

¹⁰ Супрун А.Е. “Экзотическая” лексика, с. 52; Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке, с. 49.

¹¹ Гальченко И.Е. О статусе слов северокавказского происхождения в русском языке, с. 117.

разные непосредственные контакты представителей различных культур и языков народов СССР все более сужают круг «экзотических» явлений на территории нашей страны для ее жителей. Вероятно, именно эта тенденция находит свое отражение во взглядах лингвистов на экзотическую лексику.

Термином «безэквивалентная лексика» Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров обозначают «слова, служащие для выражения понятий, отсутствующих в иной культуре и в ином языке, слова, относящиеся к частным элементам культуры, т. е. к культурным элементам, характерным только для культуры А и отсутствующим в культуре Б, а также слова, не имеющие перевода на другой язык одним словом»¹². В понятие «культура» они включают явления как духовной, так и материальной культуры, что роднит по содержанию термин «безэквивалентная лексика» с термином «реалии». Этим термином болгарские переводоведы С. Влахов и С. Флорин обозначают слова, называющие элементы быта и культуры, исторической эпохи и социального строя, государственного устройства и фольклора, то есть специфические особенности данного народа, страны, чуждые другим народам и странам¹³. Сами авторы считают равнозначными термины «реалии» и «экзотическая лексика»¹⁴.

Круг значений слов, которые различные авторы относят к реалиям (экзотической, безэквивалентной лексике), неодинаков. Так, А. Е. Супрун считает, что этот круг значений ограничен, и выделяет следующие семантические группы экзотизмов: названия лиц по различным профессиональным, социальным, родственным признакам; названия частей одежды, обуви, украшений и т. д.; названия пищи, напитков, сосудов и т. д.; названия орудий, сооружений; названия монет; слова, связанные с национальными видами искусства; названия местных животных, растений и т. д.; некоторые междометные слова приветствия, благодарности, согласия¹⁵.

А. В. Калинин предлагает следующую классификацию экзотизмов: 1) наименования учреждений, организаций; 2) названия денежных единиц; 3) названия видов одежды; 4) слова, обозначающие кушанья, напитки; 5) наименования должностей, званий, профессий; 6) названия танцев, музыкальных инструментов и т. п.; 7) названия ветров¹⁶.

Более детальную классификацию реалий по предметному делению производят С. Влахов и С. Флорин:

А. Географические реалии: 1) названия объектов физической географии, в том числе метеорологии; 2) названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью; 3) названия эндемиков.

Б. Этнографические реалии: 1) быт (пища, напитки и т. п.; одежда (включая обувь, головные уборы и пр.); жилье, мебель, посуда и др. утварь; транспорт); 2) труд (люди труда; орудия труда; организация труда); 3) искус-

¹² Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М., 1973. С. 53.

¹³ Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980. С. VI.

¹⁴ Там же. С. 6.

¹⁵ Супрун А. Е. «Экзотическая» лексика. С. 52—53.

¹⁶ Калинин А. В. Лексика русского языка. М., 1971. С. 73.

наименования животных, птиц, насекомых, растений, овощей и т. д.: *прусак, бурак, дуля, коники, бусел, книговка, ужаки, дрыгант, стронга, шпак, хмызняк, поречка, дубец, конюшина, ржище, пряжмо* и др.;

наименования одежды, белья, обуви, материала для их изготовления, личных вещей и т. д.: *свитка, свита, капцы, окуляры, спадница, загребница* и др.;

наименования еды, напитков: *бульба, кумпяк, гарелка, цукерки, мачанка, панцак, преснак* и др.;

наименования музыкальных инструментов, народных обычаев, обрядов, развлечений, танцев и т. д.: *лявониха, зажинки, дожинки, жмурки, вечерки, дворовка, цимбалы, жалейка* и др.;

наименования средств передвижения, речных судов, военных подразделений, оружия и т. д.: *байдаки, будара, гаковница, дормез, загон, квартианое войско, пулгак, пуйнал, шкут, ровар* и др.;

наименование месяцев, явлений и объектов природы, понятий времени и т. д.: *студень, люты, сакавік, красавік, червень, ліпень, страдник, грозник, жнівень, верасень, кастрычнік, лістапад, снежань* заметь, *завея, свитанне, вясёлка, хмара, раница, вир, криница, блисканица, кубло, сонейко, сёння, молодик, стогодые, дзень, целик* и др.;

наименования абстрактных понятий, явлений и объектов, связанных с человеческой деятельностью: *каханне, чаканне, спатканне, жадаанне, вяселле, жыццё, чыгунка, щиро, печище, шарварк, постерунок, кирмаш, увага, батьковщина, блакит, здрада, змова, мова, сховище, привілея, журба, загад, краина, вызволенье* и под.

Большинство рассмотренных слов называют явления и предметы, характерные для быта, культуры, социальной и экономической жизни главным образом белорусов. Некоторые из этих слов в белорусском языке относятся к пассивной лексике — историзмам и архаизмам. В целом подобная лексика может квалифицироваться как экзотическая, безэквивалентная, или реалии. Однако ряд лексем, например, названия месяцев, обозначения абстрактных понятий и явлений и др., в данные разряды не попадает.

Таким образом, если рассматривать белорусскую лексику, функционирующую в русскоязычных произведениях, по трем разрядам (заимствованные слова, экзотизмы, иноязычные вкрапления), то остается пласт лексики, который по существующим определениям не попадает ни в один из отмеченных типов заимствований. Для подобной лексики остается родовое наименование — иноязычная лексика, в данном случае белорусская лексика, или белорусизмы.